

<https://doi.org/10.18500/0320-961X-2025-22-227-250>
Античный мир и археология. 2025. Вып. 22. С. 227–250.
Ancient World and Archaeology. 2025. No. 22. Pp. 227–250.
<https://ama.sgu.ru/ru>
Научная статья
Article
УДК 327(3)|-01|+929

БОСПОР В ОРБИТЕ *AMICITIA*: РИМСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ МИТРИДАТА VI ЕВПАТОРА

М.Н. Растегаева

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

Растегаева Мария Николаевна, аспирантка, кафедры истории древнего мира, marija.rastegaeva1698@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9744-637X>.

Аннотация: статья посвящена анализу римской внешнеполитической *amicitia* в Боспорском царстве в I в. до н.э. Автор показывает, что *amicitia* в римском понимании представляла собой не только личные, сколько социально-политические и дипломатические связи, основанные на взаимной выгоде, обязательствах и моральных категориях, таких как *fides*, *benevolentia* и *gratia*. Особое внимание уделяется фигурам Махара и Фарнака – сыновей Митридата VI Евпатора, которые первыми установили дружественные отношения с Римом, получив статус *amici*. На примере их правления демонстрируется, как Боспорское царство, не будучи римской провинцией, было включено в орбиту *pacis Romanae* через практику дипломатической дружбы. Прослеживаются механизмы выстраивания отношений дружбы – через посольства, обмен дарами, *beneficium* и демонстрацию *fides*. В результате автор показывает, что *amicitia* стала важным инструментом интеграции периферии в сферу влияния Рима, не требуя ее формального включения в состав провинций, и сыграла ключевую роль в формировании устойчивой модели взаимодействия между Римом и Боспорским царством с I в. до н.э. до позднеантичного времени.

Ключевые слова: *amicitia*, Боспорское царство, Махар, Фарнак II, филофомаюс, римская дипломатия, Помпей, Лукулл, Цезарь, *fides*, внешняя политика, эпиграфика, нумизматика.

Для цитирования: Растегаева М.Н. Боспор в орбите *amicitia*: римская дипломатия после смерти Митридата VI Евпатора // Античный мир и археология. 2025. Вып. 22. С. 227–250. <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2025-22-227-250>.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

BOSPORUS IN THE ORBIT OF *AMICITIA*: ROMAN DIPLOMACY AFTER THE DEATH OF MITHRIDATES VI EUPATOR

M.N. Rastegaeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012, Russia.
Rastegaeva Mariya Nikolaevna, postgraduate, department of Ancient History, marija.rastegaeva1698@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9744-637X>.

Abstract: the article is devoted to the analysis of Roman foreign-policy *amicitia* in the Bosporan Kingdom in the 1st century BC. The author shows that *amicitia* in the Roman understanding represented not so much personal as socio-political and diplomatic ties based on mutual benefit, obligations, and moral cate-

gories such as *fides*, *benevolentia*, and *gratia*. Particular attention is given to the figures of Machares and Pharnaces, the sons of Mithridates VI Eupator, who were the first to establish friendly relations with Rome and to receive the status of *amici*. Using their reigns as an example, the article demonstrates how the Bosporan Kingdom, while not being a Roman province, was nevertheless integrated into the orbit of *pax Romana* through the practice of diplomatic friendship. The mechanisms of building friendship are traced through embassies, the exchange of gifts, *beneficium* and the display of *fides*. As a result, the author shows that *amicitia* became an important instrument for integrating the periphery into the sphere of Roman influence without requiring its formal incorporation into the provincial system, and played a key role in forming a stable model of interaction between Rome and the Bosporan Kingdom from the 1st century BC to Late Antiquity.

Keywords: *amicitia*, Bosporan Kingdom, Machares, Pharnaces II, φιλορώματος, Roman diplomacy, Pompey, Lucullus, Caesar, *fides*, foreign policy, epigraphy, numismatics.

For citation: Rastegaeva M.N. Bosphorus in the orbit of *amicitia*: Roman diplomacy after the death of Mithridates VI Eupator // Ancient World and Archaeology. 2025. No. 22. Pp. 227–250 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2025-22-227-250>.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Латинское слово *amicitia* традиционно переводится как «дружба», однако следует принимать во внимание, что в контексте римской действительности речь, как правило, идет не о максимально неформальных отношениях на основе эмпатии, подобных тем, что связывали Горация, Вергилия и Квинтилия Вара (Hor. Carm. I.24). В Риме *amicitia* часто подразумевала не только личные, но и политические связи, которые могли быть основаны на взаимных интересах, выгодах и обязательствах. *Amicitia* была одним из институтов социально-политической системы Рима, который был также успешно внедрен в систему международных отношений с иностранными государствами и народами.

Как показало недавнее исследование П. Бертона, римляне успешно адаптировали практики межличностной *amicitia* – включая взаимный обмен подарками и благодеяниями – к отношениям с правителями и государствами Средиземноморья¹. Цицерон, говоря о *patrocinium orbis terrae*, вскоре переключается на рассуждения о личных друзьях римских политиков, намекая, что здесь термин *patrocinium* не подразумевает «покровительство», а, скорее, обозначает международных друзей Рима (Cic. Off. II.27). Это подчеркивает тесную связь идей покровительства и дружбы в римском мышлении и восприятии мира². Действительно, внешняя политика Рима могла строиться на основе дружественных связей с другими государствами и народами. П. Бертон, критикуя концепцию внешнеполитической клиентелы Э. Бэдиана³, подчеркивает,

¹ Burton 2003: 341.

² Burton 2003: 340.

³ Burton 2003: 333–369. Наиболее полный обзор литературы по этой теме см.: Coşkun, Heinen 2004: 45–75, а также в русском переводе этой статьи: Хайнен, Чошкун 2005: 280–303. Обзор литературы до Э. Бадиана см.: Pina Polo 2015: 19–22.

что политическая *amicitia* активно использовалась Римом в сфере межгосударственных отношений в III-II вв. до н.э. Исследователь также убедительно показал, что подобные отношения часто основывались на моральных категориях, таких как бескорыстие, самоотверженность и честь⁴. Дружба между государствами и политиками древности могла не только приносить практическую пользу, но и опираться на идеализированные концепции, такие как *amor* и *benevolentia*⁵. П. Бертон подчеркнул, что необходимо учитывать эти представления в любых исследованиях, обращенных к вопросам римской внешней политики, поскольку успех римских завоеваний в конечном итоге зависел от способности римлян завоевывать доверие и лавировать между интересами союзников и новых подданных⁶. *Amicitia* была одним из методов римской дипломатии и представляла собой результат установления невраждебных отношений между государствами и народами. Подобные политические связи не подразумевали обязательное заключение формального союза, хотя и не исключали такой возможности. Особенную актуальность *amicitia* приобретала при выстраивании отношений Рима с государствами, которые располагались на подступах к его границам и никогда не входили в состав римских провинций.

Начиная с I в. до н.э. политика *amicitia Caesaris et populi Romani* стала внедряться и на территориях Северного Причерноморья; особенно явно новая политика проявилась в отношениях с Боспорским царством, где в титулатуру правителей были включены определения φιλοφίλας и φιλόκαιος, которые можно перевести как «друг римского народа» и «друг римского императора». Именно в северной части Понта отчетливо выделяется проблематика подчинения территории *Imperio Romano*; здесь в непосредственной близости друг от друга происходили процессы исключения «варварских» *hostes* из *orbis Romani* и включения в него таких же «варварских» *amicos*. Боспорское царство, простиравшееся от восточного Крыма до Северного Кавказа и Нижнего Дона, после смерти Митридата VI Евпатора в 63 г. до н.э. оказалось включено в сферу влияния Рима и оставалось в таком положении, по крайней мере, до IV в. н.э., при этом так и не став римской провинцией. Судя по всему, отношения внешнеполитической дружбы Рима и Боспора начали выстраиваться после смерти Митридата VI Евпатора, когда его сыновья, оказавшись в фарватере римской политики, предстали перед выбором дальнейшего пути развития. В этот период влияние Рима стало все активнее распространяться на северный берег Черного моря, а далекая окраина античного мира все интенсивнее вовлекаться в орбиту *pax Romana*. Ставка была сделана на *amicitia* с Римом, которую впервые в истории Боспора устанавливают Махар и Фарнак. В это беспокойное и для Северного Причерноморья, и для Рима в целом, время инициаторами создания дружественных отношений становятся боспорские правители – упомянутые сыновья Митридата VI, которые,

⁴ Burton 2011: 22.

⁵ Cp.: Williams 2008: 34.

⁶ Burton 2011: 23; Eckstein 2008: 342–381.

проявляя свою *fides*, посылают римским военачальникам и императорам дары и совершают разного рода благодеяния, подтверждающие их невраждебные намерения по отношению к римской власти.

Махар – первый боспорский друг Рима

Насколько позволяют судить источники, первым из боспорских правителей дружественные отношения с Римом устанавливает сын Митридата VI – Махар. Именно его античные авторы описывают как первого внешнеполитического друга римлян на Боспоре. Рассмотрим исторический фон и основания, на которых такие отношения могли сложиться.

Имя Махара впервые появляется в письменных источниках в 80 или 79 г. до н.э. Так, в тексте Аппиана помещен сюжет о том, что после завершения второй войны с Римом Митридат VI Евпатор, умело используя возникшее затишье (*σχολήν ἄγων*), вновь подчиняет своей власти отпавший от него Боспор (*Βόσπορον ἐχειρόύτο*), после чего назначает боспорцам в качестве правителя одного из своих сыновей, Махара (*καὶ βασιλέα αὐτοῖς τῶν οὐέων ἓνα ἀπεδείκνυ Μαχάρην*) (App. Mithr. 67.1). При этом не вполне ясно, как и кем управлялся Боспор до этого момента и насколько оправданным и законным было такое распоряжение Митридата⁷. Известно лишь время и обстоятельства прихода к власти Махара; но особенное внимание античные авторы уделяют трагическому финалу его правления, характеризуя эти события как следствие его измены делу отца. Однако о самом правлении Махара на Боспоре и о характере его власти источники, к сожалению, умалчивают. По этому поводу в исследовательской литературе сложился ряд предположений. Так, в работах XIX в. Махара часто обозначали царем Боспора⁸, а порой даже определяли его как родоначальника новой ахеменидской династии, которая пришла на смену власти Спартокидов на Боспоре⁹. Существуют также предположения, что Махар мог быть лишь ставленником Митридата в Северном Причерноморье, а часто характер его власти и вовсе не определяется в исследований¹⁰.

Отсутствие единства по этому вопросу связано с тем, что имеющиеся в нашем распоряжении источники неопределенно или даже противоречиво обозначают юридический статус Махара. Мемнон и Орозий вовсе не определяют его правовое положение на Боспоре, говоря лишь о том, что он был сыном Митридата VI Евпатора (Memn. 53, 54; Oros. VI.5.3). Плутарх и Дион Кассий пространно упоминают, что Махар владел (правил) Боспором (Dio Cass. XXXVI.50.2 (*κρατέω*); Plut. Luc. 24 (*ἔχω*)). Наиболее подробное описание представлено у Аппиана, который сообщает, что Махар царствовал на Боспоре (*βασιλεύοντος*), а один раз антич-

⁷ Шелов 1978: 55.

⁸ Юргевич 1881: 19, 39; Гиль 1888: 107.

⁹ Юргевич 1881: 19; Гиль 1888: 107.

¹⁰ Reinach 1890: 254, 389; Meyer 1879: 91; Brandis 1899: 775; Minns 1913: 587; Голубцова 1951: 44; Каллистов 1952: 149; Крушкал 1952: 146; Голенко 1960: 38; Голенко 1965: 43; Голенко 1965: 318; Шелов 1978: 55–72. С.Ю. Сапрыкин описывает Махара как ставленника Митридата на Боспоре (Сапрыкин 2002: 260).

ный автор даже называет его архонтом (App. Mithr. 67, 78, 83). Латинское обозначение Махара как *rex Bospori* встречается в периоде XCVIII книги Тита Ливия (Liv. Per. XCVIII). Однако сообщения Аппиана и Ливия в этом контексте кажутся весьма сомнительными. Как показал Д.Б. Шелов, проанализировавший боспорскую нумизматику рассматриваемого периода, Махар не может считаться царем Боспора, поскольку монеты этого региона не содержат даже намека на продолжительное правление Махара – нет ни его изображений, ни монограмм. На основании этого Д.Б. Шелов заключает, что Махар не может считаться самостоятельным царем; скорее, он мог быть ставленником и осуществлять власть от имени своего отца, царя Понта и Боспора¹¹.

При этом не вполне понятно, на какую территорию могла распространяться власть Махара. Часто можно встретить рассуждения о том, что под управлением Махара, помимо территории Боспорского царства, могли находиться и другие античные государства Северного Причерноморья – Херсонес и Ольвия¹². В случае с Херсонесом такие суждения действительно подтверждаются данными письменных источников (Strabo VII.4.3), а также нумизматики¹³; с Ольвией ситуация значительно сложнее – состояние источников базы не позволяет подтвердить, что она также была подчинена власти сына Митридата. Более того, анализ ольвийского декрета в честь амисского капитана¹⁴ с несомненностью показывает, что в момент составления этого документа, т.е. в конце II или в самом начале I в. до н.э., Ольвия была связана с Понтом непосредственно, а не через Боспор; она получала гарнизон и какую-то помощь прямо из Синопы¹⁵. Следует добавить, что Ольвия в это время была более тесно связана с Западным Причерноморьем¹⁶.

Кроме того, весьма вероятно, что Махар в течение какого-то промежутка времени контролировал и часть Восточного Причерноморья – Колхиду, которая принадлежала Митридату. Так, Мемнон сообщает, что некие Клеарх и Селевк, будучи предводителями отрядов Митридата в осажденной римлянами Синопе, тайно отправляли свое имущество, нагрузив его на торговые корабли, к Махару, сыну Митридата, который был в это время в Колхиде (Memn. 53). Именно в этот момент разворачиваются трагические для правления Митридата события, когда его сын совершает измену и вступает в переговоры с Лукуллом, отправляя ему продовольствие, предназначеннное для Синопы (Memn. 54; App. Mithr. 83; Plut. Luc. 24). Весьма сомнительно, что Махар, как иногда предполагают¹⁷, мог поехать в Колхиду – чуждую для него территорию, которой управлял кто-то другой – только ради

¹¹ Шелов 1978: 64.

¹² Ростовцев 1907: 23–25; Гайдукевич 1949: 305; Гайдукевич 1955: 56, 124.

¹³ Шелов 1978: 59 сл.

¹⁴ IOSPE I² 35; Жебелев 1953: 275–290.

¹⁵ Шелов 1978: 68.

¹⁶ Шелов 1978: 68–69; Ср. Ростовцев 1907: 24; Карышковский 1965: 70–71; Шелов 1962: 101 сл.

¹⁷ Инадзе 1968: 234; Лордкипанидзе 1970: 94.

того, чтобы отправить оттуда провизию для армии Митридата. Тем более сомнительно, что он начал важные переговоры с Лукуллом, находясь вне своих владений. Гораздо логичнее полагать, что, как сообщает Мемнон, в тот момент Махар контролировал не только Боспор, но и Колхиду¹⁸. Это объясняет и действия митридатовских полководцев в Синопе, и поведение самого Махара.

Отдельно следует оговорить сюжет, который в источниках предстает как измена Махару делу своего отца и переход на сторону Рима после того, как исход римско-понтийской борьбы стал ясен. Как сообщает Аппиан, в 72 г. до н.э. после отступления от Кизика Митридат посыпает за помощью к Махару (App. Mithr. 78). В это время жители Гераклеи Понтийской, которая была осаждена римским полководцем М. Аврелием Коттой, отправляют послов к херсонеситам и феодосийцам в Скифию и к династам Боспора, прося союза (διεποεο-βεύετο γοῦν πάλιν πρός τε τοὺς ἐν Σκυθίᾳ Χεροονησίτας καὶ Θεοδοσιανοὺς καὶ τοὺς περὶ τὸν Βόσπορον δυνάστας ὑπὲρ συμμαχίας καὶ ἡ πρεσβεία ἀνέστρεφεν ἐμπράκτος) (Memn. 49). Показательно, что еще в 70 г. до н.э. руководители отрядов Митридата в Синопе, Клеарх и Селевк, собираются передать ему свое имущество, тайно вывозимое из обреченного города (Memn. 53), вероятно, считая его своим соратником. Именно в это время, как сообщают Аппиан, Плутарх и Ливий, обнаруживается стремление боспорского правителя Махара установить дружбу с римлянами (App. Mithr. 83; Plut, Luc, 24; Liv. Perioch. XCVIII). Инициатором установления дружеских отношений выступает Махар, отправивший Лукуллу золотой венок. При этом в тексте упоминается φίλια Махара только с Лукуллом (App. Mithr. 83), а у Плутарха Махар присыпает Лукуллу «венец ценой в тысячу золотых с просьбой признать его другом и союзником римского народа». Наиболее подробная информация приводится у Мемнона, по словам которого, «Махар, сын Митридата, отправил к Лукуллу послов о дружбе и союзе» (περὶ φίλιας τε καὶ συμμαχίας). Последний милостиво принял послов, заявив, что он «будет считать крепким договор (εἰπών βεβαίους νομεῖν τὰς συμβάσεις), если тот не будет отправлять продовольствие синопцам. И он не только исполнил приказанное, но даже и то, что было приготовлено послать митридатовцам, отоспал Лукуллу» (Memn. LIV.1).

В тексте Плутарха, где речь идет о просьбе Махара признать его другом и союзником римского народа, можно встретить фразу “δεόμενος (т.е. Махаόντς) Ρωμαίων ἀναγραφῆναι φίλος καὶ σύμμαχος” (Plut. Luc. 24.1). Б. Надель, комментируя данный фрагмент, обращает внимание на глагол ἀναγράφω, предлагая формализованный вариант перевода – «вписывать». При этом исследователь, ссылаясь на текст *senatus consultum de Asclepiade* (CIL I.203; IG XIV.951; RDGE 22), утверждает, что в этом случае с подачи Лукулла Махар мог быть вписан в *formula amicorum*. Нельзя исключать, что Махар действительно мог быть официально признан другом Рима по согласованию с сенатом и

¹⁸ Reinach 1890: 355, 389; Minns 1913: 587; Шелов 1978: 60 сл.

вместе с тем включен в этот список, хотя и не совсем понятно, каким конкретно образом данный документ, если он вообще существовал, велся. В связи с этим Б. Надель делает весьма спорный вывод, утверждая, что «заключение договора с Римом всегда предшествовало факту именования нового союзника φιλοφίλαος»¹⁹. Именно с подачи Б. Наделя оксюморон «договор о дружбе» прочно обосновался в исследовательской литературе о Северном Причерноморье в римский период²⁰. Но такого рода конструкции противоречат самой логике римской дипломатии и традиции установления дружественных отношений. Договор с Римом действительно мог быть результатом установления дружественных, невраждебных отношений, но ни о каких договорах о дружбе речи идти не может.

Действительно, и Плутарх (Plut. Luc. 24.1), и Мемнон (Memn. LIV.1) сообщают о том, что Махар стремился к установлению φιλία τε καὶ σύμμαχία, отправляя послов к Лукуллу. Как было показано Л. Маттеи, конструкция φιλία καὶ σύμμαχία в международных отношениях идеино была ближе к неформальной φιλία, чем к формальной и строго структурированной σύμμαχία; кроме того, она не представляла собой отдельную дипломатическую категорию²¹. Таким образом, Махар стремится к установлению невраждебных отношений с Римом, обращаясь к Лукуллу как к его представителю. При этом показательно, что σύμβασις, который упоминается у Мемнона (Memn. LIV.1) не предполагал никаких военных обязательств со стороны Махара, а Лукулл просил его лишь не отправлять продовольствия синопцам, то есть не совершать невыгодных для друга действий и не более. Скорее, в этом контексте σύμβασις может означать некоторое неформальное соглашение, не налагавшее юридических обязательств – ведь в данном случае мы не можем говорить ни об официальном договоре о мире (ведь война велась с Митридатом, а не с Махаром), ни о союзе. Как сообщают Плутарх и Аппиан, Махар отправляет к Лукуллу послов, передавая через них золотой венок как дар и символ своей *fides*²² (Plut. Luc. 24; App. Mithr. 83). Важно также,

¹⁹ Надель 1948: 212.

²⁰ Подробный обзор литературы по вопросу римской *amicitia* в Боспорском царстве представлен в статье: Растегаева 2025: 22–32.

²¹ Matthaei 1907: 185–190.

²² Ключевой частью римской внешнеполитической *amicitia*, как подчеркивает К. Вербовен, также была *fides*, или доверие и преданность (Verboven 2011: 409, 418). А. Чошкун также отмечает важность этого принципа, когда речь идет о дружбе на международной арене (Coşkun 2008: 18). Вопрос о концепции *fides* в римской внешней политике был затронут в исследовательской литературе не один раз, и, как кажется, не потеряет своей историографической популярности и в дальнейшем. Рассуждения об этом можно найти еще у Варона, который ассоциирует деятельность фециалов с *fides*: “*Fetiales, quod fidei publicae inter populos praeerant: nam per hos siebat ut iustum conciperetur bellum, et inde desitum, ut foedere fides pacis constitueretur. Ex his mittebantur, ante quam conciperetur, qui res repeterent, et per hos etiam nunc fit foedus, quod fidus Ennius scribit dictum*” (Varro De ling. V.86). Именно исходя из

что источники не упоминают ни о даровании Махару титула «царя», ни о каком-либо признании его в этом качестве со стороны Рима. Точка зрения о том, что Махар после изменения отцу принял царский титул²³, основана на ошибочном приписывании ему царских монограмм на некоторых боспорских монетах, которые на самом деле датируются другим периодом²⁴. Скорее, речь шла о даровании статуса *amicus et socius populi Romani* – «друг и союзник римского народа». Такой статус имел формально-декларативный характер и не превращал его обладателя в клиента или подданного Рима. В ответ на положительное решение Лукулл просит об оказании ответной *gratia* – не отправлять продовольствие в Синопу. Махар не только выполнил просьбу Лукулла, но и отправил ему приготовленную для Митридата провизию (Memn. LIV.1), что в данном контексте можно рассматривать как *beneficium* по отношению к другу. Непосредственным результатом действий Махара стало падение Синопы, которую до этого момента поддерживали морские поставки продовольствия. Соответственно, такое поведение Махара приблизило поражение Митридата и победу римлян в войне с ним. Показательно, что, как сообщает Плутарх, после этих событий, т.е. заключения дружбы с Махаром, «Лукулл счел, что прежняя война уже окончена, и, оставив Сорнатия с шестысячным отрядом стеречь Понтийскую область, сам с двенадцатью тысячами пехоты и меньше чем с тремя тысячами конницы отправился вести следующую войну» (Plut. Luc. 24). Нельзя утверждать, что установление невраждебных отношений с Махаром свидетельствовали о подчинении Лукуллом Северного и Восточного Причерноморья²⁵. Махар, стремясь обеспечить свою политическую безопасность на случай поражения Митридата, формально признал превосходство Рима, но фактически остался независимым, поскольку ни римляне, ни Митридат временно не располагали силами и возможностями оказать на него давление²⁶. В подобной ситуации, как и в ряде аналогичных случаев, римляне соглашались устанавливать дружеские отношения с бывшими подданными и союзниками Митридата, так как разрозненные регионы его владений не угрожали римским интересам, а их подлинное подчинение оставалось делом будущего²⁷.

принципа *fides* Рим выстраивал свои отношения с другими государствами и общинами. Так, действительные условия договора, интерпретируемые в свете *fides*, давали римскому государству право оставлять за собой решение вопроса о степени римских обязательств, и соответственно обязательства другой стороны по договору практически также определялись римлянами (Badian 1983: 411). То же самое касается неформальных отношений Рима с эллинистическими государствами (Кашеев 1993: 239–240).

²³ Подшивалов 1888: 78; Magie 1950: 363; Ломоури 1979: 144.

²⁴ Шелов 1978: 70; Молев 1994: 359.

²⁵ Схожая трактовка событий представлена у А.Н. Шервин-Уайта (Sherwin-White 1984: 173) и А.Р. Панова (Панов 2009: 148).

²⁶ Шелов 1978: 70.

²⁷ Панов 2009: 148.

Было такое поведение Махара результатом его личного выбора или в какой-то мере являлось отражением антипонтийских настроений его подданных – вопрос спорный. Однако сведений о существовании в этот период какой-либо антимитридатовской оппозиции на территориях, которые находились под властью Махара, нет. Когда несколько лет спустя Митридат отступал из своих захваченных римлянами малоазийских владений через Кавказ на Боспор, ни колхидаe, ни боспорцы не оказали ему никакого сопротивления. Нельзя однозначно утверждать, что Махар предал отца и перешел на сторону римлян, «выражая стремление городских рабовладельческих кругов»²⁸. Скорее, можно предположить, что Махар сохранил полную преданность дружбе с Римом, проявив инициативу в оказании помощи во время осады Гераклеи, однако впоследствии его связи с Римом не получили дальнейшего развития.

Фарнак II: дружба с Римом и наследие Митридата VI

Первым царем Боспора после смерти Митридата VI Евпатора становится его сын Фарнак²⁹. Вообще информация, которой мы располагаем, достаточно скучна – античные авторы практически ничего не сообщают о нем, за исключением сюжета о его причастности к смерти отца, а также о его военном противостоянии Риму³⁰. Вероятно, Фарнак мог быть сыном Митридата от одной из его наложниц, Стратоники. Помимо этого, как показал Дж. Портанова, основываясь на сведениях Аппиана и Орозия, Фарнак был братом Махара³¹. Поскольку последний приходился родным братом Ксифару, который описывается как сын Стратоники, то и Фарнак должен был быть сыном той же самой наложницы Митридата (App. Mithr. 107, 113; Oros. VI.5.4; cp. Dio Cass. XXXVII.12.1). Также Фарнак был отцом Динамии, царицы Боспора, Дария, царя Понта (ок. 39–37 гг. до н.э.), и Арсака, узурпатора Понта (ок. 37–36 гг. до н.э.)³².

Впервые на страницах истории Боспора Фарнак упоминается как руководитель заговора против своего отца (App. Mithr. 110). Смерть Митридата VI в источниках представлена по-разному: одни авторы сообщают, что он покончил с собой, другие, утверждают, что после неудачных попыток царя отравиться он был убит воинами, преданными Фарнаку, или даже самим Фарнаком³³. Так или иначе, после смерти

²⁸ Слонимский 1949: 200.

²⁹ Гайдукевич 1949: 312–313; Голубцова 1951: 56 сл.; Сапрыкин 2002: 14 сл.

³⁰ О правлении Фарнака см.: Sullivan 1990: 156 ff.; Сапрыкин 2002: 14–54.

³¹ Portanova 1988: 316–317, 371; Баллестерос-Пастор 2005: 214.

³² Sullivan 1990: 160 ff.

³³ Самоубийство: App. Mithr. 111; Oros. VI.5.6–7; Aur. Vict. Vir. III.LXXVI.8; Plut. Pomp. 41.5; Eutr. VI.12.3; Eutr. VI.12.3; Flor. Epit. I.40.26; Liv. Per. 102; Fest. Brev. XVI.I; Just. XXXVII.1.9; Gell. NA. XVII.16.5; Paus. 111.23.5; Val. Max. IX.2. ext. 3; cf. Lucan. Phars. I.335–336; Iuv. Sat. VI.661–662. Обвинения Фарнака: Dio Cass. XXXVII.10.4, 13.14, Zon. V.6, 10. 5; cf. Vell. Pat. II.40.10. Критическое рассмотрение литературной традиции по поводу этого сюжета представлена у Баллестерос-Пастор 2005: 211–213.

Митридата, войска провозгласили (ἀνειπεῖν) его сына Фарнака царем в день самого восстания и даже возложили на его голову свиток вместо диадемы (App. Mithr. 111). После этого, как сообщает Плутарх, Фарнак овладел всем, что принадлежало его отцу, и написал Помпею, что он сделал это ради него и римского народа (τὰ δὲ ἐκεῖ πάντα πράγματα Φαρνάκης κατεκληρώσατο, καὶ ἑαυτῷ καὶ Ῥωμαίοις γέγραφε ποιούμενος) (Plut. Romp. 41). Помпей в это время находился в создаваемой им новой провинции Вифиния-Понт и занимался реорганизацией бывших владений Митридатидов. Своими действиями, как подчеркивает С.Ю. Сапрыкин, «Фарнак откровенно домогался расположения Рима, стремясь представить его союзником и даже другом»³⁴. Последняя конструкция, как кажется, выглядит достаточно вольным построением, и будто бы не налагает на Фарнака никаких обязательств. Действительно, Фарнак обращается к Помпею с просьбой (очевидно, через послов) сохранить за ним Боспор, ссылаясь на то, что это царство брат его Махар получил в управление от их отца Митридата (δεόμενος ἡ τῆς πατρόφας ἀρχῆς ἡ Βοσπόρου γε βασιλεύειν μόνου, ἦν τινα καὶ Μαχάοης ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ βασιλείαν παρὰ Μιθριδάτου παρειλήφει. App. Mithr. 113). При этом Фарнак стремится подчеркнуть серьезность своих намерений как потенциального друга Рима, отправляя Помпею разного рода подарки, в том числе и весьма нестандартные. Плутарх сообщает, что, когда Помпей прибыл в Амис, он нашел «множество присланных Фарнаком подарков (πολλὰ μὲν δῶρα παρὰ Φαρνάκου) и многочисленные трупы членов царской семьи. Среди них находился и труп самого Митридата (Plut. Romp. 42)». Схожее описание приводит и Аппиан – Фарнак посыпает на триреме труп своего отца Помпею в Синопу, а также тех, кто взял в плен Мания, и многих заложников, которые были захвачены в эллинских и варварских городах (App. Mithr. 113). Дион Кассий также сообщает, что Фарнак забальзамировал тело Митридата и послал его Помпею «в качестве доказательства сделанного, сдался сам и сдал свои владения (καὶ ἑαυτὸν τὴν τε ἀρχὴν παρέδωκε) (Dio Cass. XXXVII.14.1). Безусловно, этот своеобразный дар Фарнака имел очень важное символическое значение – Рим успешно выдержал самую упорную и тяжелую борьбу на Востоке за всю свою историю, и тело поверженного врага было главным тому подтверждением. В Риме известие о гибели столь опасного врага вызвало всеобщую радость – по инициативе Цицерона были устроены десятидневные молебствия (Cic. De prov. consul. 27). Надо сказать, что весьма достойно и с большим уважением к побежденному врагу поступил Помпей – он устроил пышные похороны Митридата, поручив его слугам похоронить его в царской усыпальнице и положить в Синопе в царской гробнице, «восхищаясь его великими подвигами, считая его лучшим из царей своего времени» (App. Mithr. 113). Показательно, что, как сообщает Аппиан, в триумфе Помпеля была представлена сцена смерти Митридата (App. Mithr. 117). Римская история знает триумфы, которые были не менее грандиозны, но триумф Помпеля имел четко выраженный

---

³⁴ Сапрыкин 2002: 23.

идеологический подтекст; если остальные триумфы были просто праздниками в честь победы, пусть даже и замечательной, то триумф Помпея³⁵ был торжеством во славу новоявленной Империи и ее создателя (Plut. Rom. 45; App. Mithr. 117).

Но вернемся к делам Боспора. Фарнак отправил дары, в числе которых находилось и тело его отца, а также просьбу сохранить за ним власть на Боспоре, проявляя таким образом свою *fides* по отношению к Помпею и Риму. Показательно, что после смерти Митридата, как сообщает Плутарх, Фарнак первым делом овладел всем, что принадлежало его отцу, обозначая, что сделал он это ради Помпея и римского народа (Plut. Rom. 41); похожее описание событий находим и у Диона Кассия – Фарнак сдался сам и сдал свои владения (καὶ ἑαυτὸν τὴν τε ἀρχὴν παρέδωκε) (Dio Cass. XXXVII.14.1–2), что явно выглядит как *deditio in fidem*. Очевидно, что благодарность Помпея за оказанные во время войны с Митридатом и после нее благодеяния Фарнака, а также за присланные ему дары, не заставила себя долго ждать – Помпей передал Боспорское царство Фарнаку как плату за его кровавое деяние и, как пишет Дион Кассий, принял его в число друзей и союзников (τὴν μέντοι βασιλείαν τοῦ Βοσπόρου μισθὸν τῷ Φαρνάκῃ τῆς μιαιφονίας ἐχαρίσατο, καὶ ἐς γε τοὺς φίλους τούς τε συμμάχους αὐτὸν ἀνέγραψεν) (Dio Cass. XXXVII.14.2). Степень личного участия Помпея в этом событии подчеркивает и Аппиан, сообщая, что он сделал Фарнака другом и союзником римлян (φίλον καὶ σύμμαχον Ρωμαίοις) (App. Mithr. 113), хотя и не вернул ему владения Митридата в Понте и Колхиде (App. Mithr. 113; BC. II.92; Dio. Cass. XXXVII.14.2). Исключение из прежней территории Боспора было сделано только одно – свободу получила Фанагория, первой поднявшая восстание против Митридата (App. Mithr. 108–112; Oros. VI.5.1–2)³⁶, и тем самым подавшая пример другим отпасть от него и оказалась, таким образом, виновницей гибели Митридата, а инициатор этого восстания Кастор был объявлен «другом римского народа» (App. Mithr. 108, 113). По сообщению Аппиана, фанагорийцев он сделал свободными и автономными (ἐλευθέρους καὶ αὐτονόμους) (App. Mithr. 113). Таким образом Помпей вознаградил всех боспорян, которые содействовали ему в борьбе с Митридатом – Фарнак был объявлен другом и союзником, а также получил власть на Боспоре. Кастор³⁷ тоже получил статус друга римского народа, а Фанагория сделалась свободной и автономной по примеру других *civitates liberae*, которые награждались римлянами за оказанное им содействие. Такие полисы – формально

³⁵ Deutsch 1924: 279; Смыков 1997: 18.

³⁶ Об этих событиях свидетельствуют археологические находки, сделанные в Фанагории и ее акватории – т.н. «резиденция», сгоревшая на акрополе (Абрамзон, Кузнецов 2011: 64–94), затонувший корабль из флота Митридата и обнаруженный рядом таран (Кузнецов, Ольховский 2016: 338–346; Кузьмин 2017: 399), постамент статуи Гипсикратии (Кузнецов 2007: 238–243).

³⁷ О Касторе, его происхождении и карьере см.: Панов 2005: 41–45; Завойкина 2013: 268–269; Coşkun 2014: 131–138.

независимые города³⁸ – фактически оказывались в сфере римского влияния благодаря своему статусу «друзей». В этой связи весьма сомнительными выглядят выводы некоторых исследователей о том, что политика Помпея в отношении Фанагории была связана с его стремлением создать в центре Боспорского государства автономную общину, чтобы тем самым расширить социальную опору римлян³⁹ и одновременно обезопасить себя на случай отхода Фарнака от проримской ориентации⁴⁰. Подобные построения противоречат ходу событий – дарование свободы Фанагории было *gratia* Помпея за оказанные в ходе войны с Митридатом благодеяния полиса. Скорее, можно говорить о предоставлении ἐλευθερία Фанагории как общей тенденции восточной политики Помпея – предоставлении свободы греческим городам бывшего царства Митридата⁴¹. В ходе боевых действий Первой Митридатовой войны Фанагория, как и другие азиатские города, была поставлена не перед выбором между свободой и порабощением; альтернатива была другая – господство Митридата или гегемония римлян. Выбор был сделан, и теперь Фанагория выступает ύπέρ τῆς Ῥωμαίου ἡγεμονίας, получив взамен ἐλευθερία, сохранив при этом свои νόμοι и свободу распоряжения земельной территорией. В связи с этим особо актуальным кажется посольство фанагорийца Гедика в Рим, где он и был похоронен в колумбарии «Винья Кодини III» (Vigna Codini III) на Аппиевой дороге⁴², о чем свидетельствует его эпиграфия (CIL VI 2 5207 = IG XIV 1636 = IGR 261 = IGUR II 567). Фанагорийский посол мог прибыть в Рим в связи с обретением полисом ἐλευθερία в 63 г. до н.э. – установление дружественных отношений с *civitates liberae* через послов были обычной практикой внешнеполитических контактов Рима и государств эллинистического мира. Это еще один аргумент в пользу предположения Ю.Н. Кузьмина о том, что Гедик, сын Эвода прибыл в Рим в конце 60-х гг. I в. до н.э. для того, чтобы официально утвердить в сенате новый статус Фанагории – с этого момента свободного и автономного города. Видимо, внутренняя нестабильность в самом Риме (из-за действий противников Помпея новое устройство Востока, созданное в результате его кампаний, было утверждено только в 59 г. до н.э.⁴³) вынудила фанагорийского посла задержаться в Вечном городе, где он, собственно, и умер⁴⁴.

Так или иначе, враги были повержены, а друзья вознаграждены. В связи с установлением дружественных отношений между Помпеем и Фарнаком в исследовательской литературе вновь возникает злосчастная конструкция о заключении договора о дружбе. А.Р. Панов, критикуя со-

³⁸ Snowdon 2010: 91–104.

³⁹ А. Сибирский называет освобождение Фанагории приманкой для других боспорских городов (Сибирский 1877: 47), что кажется несколько надуманным.

⁴⁰ Панов 2009: 178.

⁴¹ Сапрыкин 2002: 24.

⁴² Кузьмин 2023: 151–161. Ср.: Kuzmin 2024: 67–78.

⁴³ Seager 2002: 81–83.

⁴⁴ Кузьмин 2023: 158.

мнения Б. Функа в существовании договора о дружбе и союзе между Помпеем и Фарнаком, поскольку он упоминается «как бы вскользь»⁴⁵, говорит о том, что такого рода аргумент не слишком сильный, учитывая общую фрагментарность сведений о Боспоре у античных авторов⁴⁶. Пойду дальше и скажу, что договор о дружбе и союзе не только «упоминается как бы вскользь», он вообще не упоминается, и упоминаться не может, поскольку в римской внешней политике такой формулировки в принципе не было. Скорее, речь в данном случае должна идти об установлении отношений *amicitia*, следствием которых действительно мог стать некий договор, налагавший определенные обязательства на стороны, которые его заключили. Но так было далеко не всегда.

Дружба Фарнака с Помпеем примечательна и еще по одной причине – о ней свидетельствуют не только тексты античных авторов, как было в случае с Махаром, но и надписи; хотя долгое время считалось, что Фарнак не употреблял титул φιλοφράματος в официальной титулатуре⁴⁷. Ситуация изменилась после находки в 2003 г. в станице Тамань посвящения Аполлону, сделанного от имени βασιλέως Φαρνάκου φιλοφράματος⁴⁸. Аналогии в написании букв рассматриваемого памятника можно найти в надписях, датируемых временем правления Фарнака (КБН 28, 29), эпитафии Гликарии, супруги Асандра (КБН 913) и найденной в Фанагории эпитафии Гипсикратии, супруги царя Митридата⁴⁹. Несмотря на фрагментарность надписи, Н.А. Павличенко восстанавливает в ней титул – φιλοφράματος, что является самым ранним его упоминанием в боспорской эпиграфике. Позднее это определение станет неотъемлемой частью титулатуры царей Боспора. По мнению Н.А. Павличенко и А.П. Бехтер, это посвящение из Гермонассы должно относиться к первому периоду правления Фарнака, когда в награду за поддержку Рима в борьбе с Митридатом он был провозглашен царем Боспора и удостоен титула φιλοφράματος⁵⁰. Безусловно, для Фарнака это имело огромное значение, поскольку означало признание Римом законности его власти⁵¹. При этом монеты царя Фарнака не содержат подобных указаний – интерпретация монограммы на них как сокращения титула φιλοφράματος весьма сомнительна⁵². Золотая и медная чеканка царя Фарнака не свидетельствует о каком-либо существенном влиянии со стороны Рима; хотя в среде исследователей существует точка зрения, что статеры Фарнака «чеканились по форме римских ауреусов»⁵³; однако с этим трудно согласиться, поскольку до массовых выпусков монет Цезаря в самом

⁴⁵ Функ 1992: 81.

⁴⁶ Панов 2009: 353.

⁴⁷ См., например: Панов 2009: 353.

⁴⁸ Павличенко 2007: 304–306.

⁴⁹ Кузнецов 2007: 238 сл.; Павличенко 2007: 304.

⁵⁰ Бехтер 2022: 58.

⁵¹ Sands 1908: 40; Seager 2002: 52.

⁵² Hoben 1969: 15.

⁵³ Цветаева 1979: 23.

Риме не существовало регулярной золотой чеканки, а золото играло крайне незначительную роль в римском денежном обращении⁵⁴.

Положение меняется во второй половине 50-х гг. до н.э., когда происходит разрыв Помпея с Цезарем. Дружественные цари также оказались втянутыми в это противостояние, поскольку римские политики не раз были вынуждены требовать их оказать помощь. С правителями Востока, что очевидно, в большей степени был связан Помпей (Cic. Fam. IX.9; Att. VIII.11). Большинство правителей откликнулось на его призыв, и многие даже прибыли к нему лично. Судя по описаниям источников, в армии Помпея были представители самых разных народов, а среди союзников особенно выделялись Дейотар и Ариобарзан (Caes. BC. III.4). Артавазд не явился к Помпею, но «Мегабат, наместник царя Артапата, который привел армян, живших по ту сторону Евфрата» (App. BC. II.71), был, видимо, посланником царя Великой Армении⁵⁵. К Фарнаку не раз направляли просьбы о помощи, но он отказался поддержать Помпейя (Bell. Alex. 69; Dio Cass. XLII.47.4; Lucan Phars. II.636–637), проявляя таким образом себя не как самый достойный друг. Дион Кассий сообщает, что «Фарнак, лишь только узнал, что между Помпеем и Цезарем разгорелось междуусобие, начал стремиться к возвращению себе отцовского царства, так как надеялся, что они потратят много времени на ссоры и будут использовать силы римлян друг против друга; и он теперь начал продвигать свои планы частично потому, что уже однажды начал, и частично потому, что знал о том, что Цезарь был далеко, и он захватил много местностей...» (Dio Cass. XLII.45.2–3). Далее автор сообщает, что «...задумав возвратить себе отцовское царство (τὴν πατρῷαν βασιλείαν), он поднял восстание во время самого междуусобия Цезаря и Помпея (τοῦ Καίσαρος καὶ τὴν τοῦ Πομπείου στάσιν) и, так как римляне были тогда заняты собственными делами, а потом были задержаны в Египте...» (Dio Cass. XLII.45.2). Таким образом, в то время как Рим был поглощен гражданскими войнами, боспорский царь Фарнак решил воспользоваться ситуацией. Хотя захватнические амбиции, вероятно, зреали у него давно, активные действия он начал лишь в 48 г. до н.э.⁵⁶ Первым делом он добрался до Колхиды – ее правитель Аристарх, по всей видимости, был убит⁵⁷. После этого Фарнак захватил Малую Армению и Каппадокию, воспользовавшись отсутствием Дейотара и Ариобарзана, которые сопровождали Помпейя в Греции (Dio Cass. XLII.45.3). Это было открытым заявлением о том, что дружественные отношения отныне прекращены, поскольку он напал на территории, которые

⁵⁴ Зограф 1951: 52; Поздняков 1980: 71.

⁵⁵ Sherwin-White 1984: 299.

⁵⁶ Называют различные годы: чаще фигурирует 48 г. до н.э. (Brandis 1899: 777; Голубцова 1951: 58 сл.; Гайдукевич 1955: 126; Блаватский 1964: 130; Панов 2009: 188), некоторые полагают, что это произошло в 47 г. до н.э. (Fuller 1965: 257–260; Christ 1993: 372). Но на основании сведений источников можно утверждать, что это произошло не ранее 50/49 г. до н.э. (Сапрыйкин 2002: 38).

⁵⁷ Лордкипанидзе 1970: 41; Ломоури 1979: 280.

принадлежали друзьям Рима. Маловероятно, что Фарнак действовал по согласию с Цезарем, как иногда считают⁵⁸. Однако боспорский царь, конечно, знал о происходящем в Риме и выбрал момент, когда Рим не смог бы оперативно отреагировать. Его вторжение в Малую Азию, по всей видимости, произошло вскоре после битвы при Фарсале. Помпеяне еще считали его союзником, а Цезарь, находясь в Азии, даже не был осведомлен о его действиях⁵⁹.

Показательно, что, видимо, в это время изменяется титулатура Фарнака – во втором периоде его царствования из надписей пропадает фιλορώματος⁶⁰, зато теперь Фарнак принимает титул βασιλέυς βασιλέων μέγας (великий царь царей), который помещался и на монетах⁶¹, и в царских надписях (КБН 28, 29, посвящение из Артезиана). Показательно, что Фарнак чеканил свои золотые монеты с надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΜΕΓΑΛΟΥ ΦΑΡΝΑΚΟΥ не только в эмиссионных центрах Боспора, но, видимо, и в Малой Азии⁶². Без сомнения, Фарнак принял титул βασιλέυς βασιλέων μέγας по примеру отца; известно, что Спартакиды не носили подобного титула. Этот титул стал использоваться не позднее 55/54 г. до н.э., когда позиции Фарнака на Боспоре укрепились⁶³. Действительно, Фарнак владел землями вплоть до Танаиса, хотя некоторые племена, которые жили в пределах его царства, ему пришлось подчинять силой. Так, у Страбона содержится сюжет о том, что «Фарнак однажды и Гипанис к дандариям провел, как говорят, через какой-то старый расчищенный им канал и затопил землю» (Strabo XI.2.11: Φαρνάκης δέ ποτε καὶ τὸν Ὑπανιν τοῖς Δανδαρίοις ἐπαγαγεῖν λέγεται διά τινος παλαιᾶς διώρυγος ἀνακαθάρας αὐτὴν [καὶ] κατακλύσαι τὴν χώραν. пер. – M.P.). Страбон пишет: «...аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше, а аорсы обитают севернее сираков. Абеак, царь сираков, выставил 20 тыс. всадников, когда Фарнак владел Боспором, Спадин же, царь аорсов, даже 200 тыс.; однако верхние аорсы выставили еще больше, так как они занимают более обширную область...» (Strabo XI.5.8). Таким образом сарматские племена, обитавшие между Понтом Эвксинским, Меотидой и Каспием, стали основными союзниками Фарнака и помогали ему конницей⁶⁴.

Интересна в этом отношении КБН 29, которая представляет собой посвящение, сделанное боспорским царем Зевсу Генарху. Полностью царская титулатура представлена здесь следующим образом: [Φαρνάκης? μέγας βασιλέυς βασιλέων [ἀρχων? Βοσπόρου τοῦ κα]τὰ τὴν Εὐρώπην – «Фарнак, великий царь царей, правящий европейским Боспором» (КБН 29). Если

⁵⁸ Моммзен 1997: 365.

⁵⁹ Панов 2008: 196.

⁶⁰ Бехтер 2022: 58.

⁶¹ Zograph 1977: 301 ff., pl. xliv.

⁶² Чореф 2012: 44–59.

⁶³ Фролова 1992: 225; Молев 1996: 90; Панов 2009: 354; Блаватский 1964: 130; Golenko, Karyszkowski 1972: 32; Сапрыкин 2002: 31.

⁶⁴ Сапрыкин 2002: 33.

восстановление второй строки надписи верно, то можно предположить, что власть Фарнака в какой-то период не распространялась на азиатскую часть Боспора, что соответствует свидетельству Аппиана о том, что Помпей предоставил Фарнаку власть над Боспором за исключением Фанагории. Считается, что через некоторое время, после того как Фанагория с подачи Помпея стала свободным городом, Фарнак напал на нее, осадил и вновь подчинил своей власти. По сообщению Аппиана, «Фарнак осаждал фанагорийцев и окрестный Боспор, пока не сразился с фанагорийцами, которые из-за голода вступили в битву, и, не причинив им никакого вреда (βλάφας οὐδέν), но сделав друзьями (φίλους ποιησάμενος) и взяв заложников, отступил» (App. Mithr. 120. пер. – M.P.). Действительно, судя по всему, в результате осады города войском Фарнака в середине I в. до н.э. постройки на южной окраине Фанагории оказались в той или иной степени разрушенными, а городские стены демонтированными⁶⁵. Однако это отнюдь не говорит о том, что в ходе этих событий Фанагория были лишена ἐλευθερία, которая была дарована Помпеем после анти-митридатовского восстания 63 г. до н.э. Напротив, судя по сообщению Аппиана, Фарнак пусть и не самым мирным путем, но добился установления дружбы с Фанагорией. Вероятно, это было сделано для того, чтобы избежать судьбы отца – помня пример фанагорийца Кастора, Фарнак, видимо, не хотел, чтобы подобное случилось вновь. Такая политика, очевидно, дала результаты, поскольку источники не сообщают о каком-либо участии Фанагории в событиях конца 50-х – начала 40-х гг. I в. до н.э. Скорее, можно говорить о том, что Фарнак установил невраждебные отношения с Фанагорией, чтобы обеспечить относительное спокойствие на Боспоре, на период своей кампании в Колхиде, Малой Армении и Каппадокии. С этим вполне согласуется наблюдение Г.А. Цветаевой о том, что разбор городской стены в Фанагории «происходил не постепенно, а в очень короткий период и, судя по найденным материалам, датируется I в. до н.э.»⁶⁶.

В 2023 г. на городище Артезиан в Крымском Приазовье были открыты остатки храма Зевса Генарха. Храм основан, по-видимому, при Митридате VI и восстановлен после землетрясения 63 г. до н.э. его сыном Фарнаком⁶⁷. Также в храме были обнаружены фрагменты надписи с посвящением: [βασιλεὺς βασιλέων μέγας καὶ Σωτήρ]ο Φαρνάκης κρατήρας Σκύθας, ὑπὲρ τῶν Κλανεόνων ἀνέθηκε Διὸς Γενάρχη καὶ Σωτῆρος – «Великий царь царей и Спаситель Фарнак, победив скифов, за кранеонян посвятил храм Зевсу Родоначальнику и Спасителю» (пер. В.П. Яйленко)⁶⁸. При этом Зевс упоминается здесь с эпиклезой Γενάρχης, т.е. «родона-

⁶⁵ Цветаева 1965: 234–236; Завойкин 2022: 113–115.

⁶⁶ Цветаева 1965: 235.

⁶⁷ Винокуров, Мацнев, Фесенко 2024: 150–164. Несмотря на скептическое отношение А.А. Масленникова к популярной точке зрения о землетрясениях как причины массовых разрушений на Боспоре в определенные периоды его истории (Масленников 2008: 182), не следует a priori исключать и этот вариант.

⁶⁸ Винокуров, Мацнев, Фесенко 2024: 152.

чальник». Подобное упоминание встречается и в посвятительной надписи на постаменте статуи от имени боспорского царя, согласно дополнению В.В. Латышева, – Фарнака (КБН 29). Не вполне понятно, употреблен ли эпитет Гενάοχτς потому, что царь вел свое происхождение от Зевса или же он дан Зевсу в том широком смысле, в каком Гомер называет его «отцом богов и людей»⁶⁹. Показательно, что этот эпитет очень редок⁷⁰ и в боспорских надписях больше не встречается. Вероятно, его можно рассматривать как часть пропаганды Фарнака – ведь он был первым боспорским царем после смерти Митридата VI. Соответственно и культ Зевса Родоначальника смотрелся бы здесь вполне уместно и ассоциировался с Фарнаком как основателем новой правящей династии, утвержденной на Боспоре с согласия римлян.

Но вернемся к военной кампании Фарнака, которую он начал вопреки установленной с Помпеем дружбе. Рим, видимо, отреагировал только после жалоб Дейотара и Ариобарзана, которые предупреждали, что не смогут выплатить взысканные с них Цезарем деньги, пока Фарнак удерживает их территории (Bell. Alex. 34). В результате вопросом вытеснения боспорского царя из Малой Азии занялся наместник Азии Домиций Кальвин. Он потребовал освободить Каппадокию и Малую Армению (о Колхиде речи не шло), однако, после того как Фарнак отказался подчиниться, вступил с ним в сражение и потерпел поражение при Никополе (Dio Cass. XLII.42.2; App. Mithr. 120; Suet. Caes. 36; Plut. Caes. 50). Цезарь, покинув Египет, выдвинулся навстречу Фарнаку, параллельно решая дела в регионе и принимая делегации послов из городов Востока. Отмечают, что цель его была двойной – не только изгнание Фарнака, но и решение проблем, связанных с обустройством региона⁷¹.

Встретившись с войском боспорского царя у Зеле, Цезарь был готов простить Фарнаку все его проступки, включая убийства римских граждан, однако сперва потребовал освободить Понт и вернуть все захваченное. Однако он не настаивал на возвращении Малой Армении – скорее всего, чтобы не тратить лишнее время, Цезарь добивался только возвращения непосредственных римских владений. Боспорский царь, зная, как Цезарь спешит в Рим, был готов дать ему самые широкие обещания (Caes. Bell. Alex. 71). Фарнак даже послал ему золотой венок, что вероятно, можно рассматривать как попытку закончить дело миром, как дар от потенциального друга. Однако на это он получил ультимативный ответ – Фарнак должен был немедленно очистить Понт, отпустить откупщиков и возвратить римским союзникам и гражданам все, что еще осталось в его руках (Caes. Bell. Alex. 70). К этому Цезарь добавил, что если он сделает это, то тогда пусть и присыпает ему дары и подарки, которые полководцы после удачных сражений привыкли получать от своих друзей (Caes. Bell. Alex. 70: *si fecisset, iam tunc sibi mitteret munera ac dona quae bene rebus gestis imperatores ab amicis accipere consuissent*). Показательно и то, что битву при Зеле начал не Це-

⁶⁹ Болтунова 1977: 182.

⁷⁰ Bruchmann 1893: 126–128.

⁷¹ Magie 1950: 410.

зарь, как утверждают некоторые античные авторы, а Фарнак (Bell. Alex. 34–40, 65, 69, 74; Dio Cass. XLII.47.1–3; Plin. NH. 6.10; App. Mithr. 120; Plut. Caes. 50.2; Liv. per. 113; Flor. 2.3.11; Suet. Iul. 37; Strabo 12.3.14; Frontin. 2.2.3; Eutr. 6.22), таким образом окончательно забросив попытки возобновления дружественных отношений с Римом. Как известно, в ходе этих событий Фарнак потерпел поражение. Царь бежал в Синопу и сдал город Домицию Кальвину. Здесь по повелению Цезаря Домиций Кальвин заключил с поверженным царем мир, по условиям которого последний передавал римлянам Синопу и весь Понт. Аппиан, правда, упоминает, что Фарнак заключил с Домицием соглашение, однако употребленное им слово *ύπόγηπονδος* точнее трактовать не как мирный договор, а как временное перемирие, предоставившее противнику возможность беспрепятственно отступить – чем Фарнак, собственно, и воспользовался (App. Mithr. 120). После этого опять-таки с позволения римлян Фарнак со своими вассалами отплыл на Боспор, предварительно перебив всех лошадей (Bel. Alex. 71–77; Dio Cass. XLII.47; Plut. Caes. 50.2–4; Flor. II.13.63; Oros. VI.16.3; Suet. Jul. 35.2; App. BC. II.91; App. Mithr. 120; Liv. Reg. 113; 114; Eutrop. VI.22.3; Plin. NH. VI.10). Во время этой войны Асандр, которого Фарнак оставил наместником Боспора, восстал против царя. Как сообщает Аппиан, Асандр, личный враг (*εχθρὸς Ἰδίος*), изгнал его из Азии (*εξήλασε τῆς Ασίας*. App. Mithr. 120). Фарнак попытался вернуть себе свои владения, захватил Феодосию и Пантикеапей, но в итоге пал в бою с Асандром (App. Mithr. 120; Dio Cass. XLII. 47; Strabo 13.4.3).

Подводя некоторый итог, можно сказать, что период после 63 г. до н.э. стал поворотным моментом для истории Боспорского царства, когда инициаторами установления дружбы с Римом выступили сыновья побежденного царя Митридата – Махар и Фарнак. Исключенные из прямого административного подчинения, но включенные в орбиту римского мира, эти правители стремились укрепить свое положение через демонстрацию преданности и готовность к взаимным *beneficia*. Получив статус *amici*, они подтверждали свою лояльность Риму, что находило отражение в официальной титулатуре, где появился титул *φιλορώματος*. В дальнейшем это определение станет неотъемлемой частью титулатуры царей Боспора, помещаясь в надписях за именем правителя. Важной особенностью эпиграфики царей-друзей Рима в это время является отсутствие титула *φιλόκαταρ*, который характерен практически для всех более поздних боспорских династов. Видимо, он вообще не использовался в надписях до начала I в. н.э. Золотая чеканка Боспора в этот период не свидетельствует о каком-либо существенном влиянии со стороны Рима – на аверсе помещался бюст правителей, а на реверсе – вполне традиционные боспорские сюжеты с именем и титулом царей. Таким образом, местные политические традиции не противоречили добрососедским отношениям с Римом, и, кроме того, подчеркивали официальный статус царей. Ситуация на Боспоре и за его пределами в это время оставалась напряженной. Фарнак не по своей воле оказался втянут в конфликт между Помпеем и Цезарем, однако вос-

пользовался ситуацией в своих целях, проявив себя не как самый достойный друг и напав на территории, которые принадлежали друзьям Рима. Последующие правители Боспора, такие как Асандр и Динамия, уже более осознанно и последовательно строили свою политику вокруг *amicitia* с Римом, закрепляя ее через династические браки, военную поддержку и масштабную пропаганду, включая посвящения императорам и переименование городов Боспорского царства.

Литература/References

- Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2011. Новые данные о восстании 63 г. до н.э. в Фанагории // ВДИ. Вып. 2. С. 64–94 [Abramzon M.G., Kuznetsov V.D. 2011. Novye dannye o vosstaniii 63 g. do n.e. v Fanagorii // Vestnik drevney istorii. Vyp. 2. S. 64–94].
- Баллестерос-Пастор Л. 2005. Некоторые аспекты образа Фарнака II в античной литературе // Antiquitas Aeterna. Вып. 1. С. 211–217 [Ballesteros-Pastor L. 2005. Nekotorye aspekty obrazha Farnaka II v antichnoy literature // Antiquitas Aeterna. Vyp. 1. S. 211–217].
- Бехтер А.П. 2022. Лапидарные шрифты Боспора VI–I вв. до н.э. // История письма от Античности до Нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике / А.В. Сиренов (отв. ред.). М.; СПб. С. 20–64 [Bekhter A.P. 2022. Lapidarnye shriftы Bospora VI–I vv. do n.e. // Istoriya pis'ma ot Antichnosti do Novogo vremeni. Ocherki po epigrafiike, paleografii i diplomatike / A.V. Sirenov (otv. red.). Moskva; Sankt-Peterburg. S. 20–64].
- Блаватский В.Д. 1964. Пантиканей. Очерки истории столицы Боспора. М. [Blavatskiy V.D. 1964. Pantikapey. Ocherki istorii stolitsy Bospora. Moskva].
- Болтуноva A.I. 1977. Зевс Отчий и Зевс Спаситель // ВДИ. Вып. 1. С. 176–183 [Boltunova A.I. 1977. Zevs Otchiy i Zevs Spasitel' // Vestnik drevney istorii. Vyp. 1. S. 176–183].
- Винокуров Н.И., Мацнев Д.В., Фесенко А.В. 2024. Храм Зевса Генарха городища Артезиан: проблема астрономического и пространственного ориентирования // ПИФК. Вып. 3. С. 150–164 [Vinokurov N.I., Matsnev D.V., Fesenko A.V. 2024. Khram Zevsa Genarkha gorodishcha Artezian: problema astronomiceskogo i prostranstvennogo orientirovaniya // Problemy istorii filologii i kul'tury. Vyp. 3. S. 150–164].
- Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.; Л. [Gaydukevich V.F. 1949. Bosporskoe tsarstvo. Moskva; Leningrad].
- Гайдукевич В.Ф. 1955. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. Т. I / В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова (отв. ред.). М.; Л. С. 23–147 [Gaydukevich V.F. 1955. Istoriya antichnykh gorodov Severnogo Pri-chernomor'ya // Antichnye gosudarstva severnogo prichernomor'ya. T. I / V.F. Gaydukevich, M.I. Maksimova (otv. red.). Moskva; Leningrad. S. 23–147].
- Гиль Х.Х. 1888. О боспорских монетах с монограммами // Труды VI АС. Вып. II. Одесса. С. 104–113 [Gil' Kh.Kh. 1888. O bosporskikh monetakh s monogrammami // Trudy VI arkheologicheskogo s"ezda. Vyp. II. Odessa. S. 104–113].
- Голенко К.В. 1960. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э. // НЭ. Вып. 2. С. 28–40 [Golenko K.V. 1960. Iz istorii monetnogo dela na Bospore v I v. do n.e. // Numizmatika i epigrafika. Vyp. 2. S. 28–40].
- Голенко К.В. 1965. О характере чекана боспорских анонимных оболов // НС. Вып. 2. С. 41–49 [Golenko K.V. 1965. O kharaktere chekana bosporskikh anonimnykh obolov // Numizmatika i sfragistika. Vyp. 2. S. 41–49].

- Голенко К.В. 1965. Понтийская монета времени Митридата VI на Боспоре // *Klio*. № 46. С. 318–319 [Golenko K.V. 1965. Pontiyskaya moneta vremenii Mitridata VI na Bospore // *Klio*. № 46. S. 318–319].
- Голубцова Е.С. 1951. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М. [Golubtsova E.S. 1951. Severnoe Prichernomor'e i Rim na rubezhe nashey ery. Moskva].
- Жебелев С.А. 1953. Северное Причерноморье. М.; Л. [Zhebelev S.A. 1953. Severnoe Prichernomor'e. Moskva; Leningrad].
- Завойкин А.А. 2022. Оборонительные сооружения и некоторые проблемы исторической периодизации Фанагории в V–I вв. до н.э. // АВ. Вып. 35. С. 105–118 [Zavoykin A.A. 2022. Oboronitel'nye sooruzheniya i nekotorye problemy istoricheskoy periodizatsii Fanagorii v V–I vv. do n.e. // Arkheologicheskie vesti. Vyp. 35. S. 105–118].
- Завойкина Н.В. 2013. Фанагорийское общество (по материалам эпиграфики) // Материалы по археологии и истории Фанагории / В.Д. Кузнецов (ред.). Вып. 1. М. С. 240–313 [Zavoykina N.V. 2013. Fanagoriyskoe obshchestvo (po materialam epigrafiki) // Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii / V.D. Kuznetsov (red.). Vyp. 1. Moskva. S. 240–313].
- Зограф А.Н. 1951. Античные монеты. М.; Л. [Zograf A.N. 1951. Antichnye monety. Moskva; Leningrad].
- Инадзе М.П. 1968. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси [Inadze M.P. 1968. Prichernomorskie goroda drevney Kolkhidy. Tbilisi].
- Каллистов Д.П. 1952. Северное Причерноморье в античную эпоху. М. [Kallistov D.P. 1952. Severnoe Prichernomor'e v antichnuyu erokhu. Moskva].
- Карышковский П.О. 1965. Денежное обращение Ольвии в конце II и в первой половине I в. до н.э. // НЭ. Вып. V. С. 62–74 [Karyshkovskiy P.O. 1965. Denezhnoe obrashchenie Ol'vii v kontse II i v pervoy polovine I v. do n.e. // Numizmatika i epigrafika. Vyp. V. S. 62–74].
- Кашеев В.И. 1993. Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э. М. [Kashcheev V.I. 1993. Ellinisticheskiy mir i Rim. Voyna, mir i diplomatiya v 220–146 godakh do n.e. Moskva].
- Крушикол Ю.С. 1952. Монеты с монограммами из Патреysкого клада 1950 г. // ВДИ. Вып. 3. С. 137–147 [Krushkol Yu.S. 1952. Monety s monogrammami iz Patreyskogo klada 1950 g. // Vestnik drevney istorii. Vyp. 3. S. 137–147].
- Кузнецов В.Д. 2007. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. Вып. 1. С. 227–243 [Kuznetsov V.D. 2007. Novye nadpisi iz Fanagorii // Vestnik drevney istorii. Vyp. 1. S. 227–243].
- Кузнецов В.Д., Ольховский С.В. 2016. Некоторые итоги подводных исследований в Фанагории (1998–2015 гг.) // Материалы по археологии и истории Фанагории / А.А. Завойкин (ред.). Вып. 2. М. С. 325–352 [Kuznetsov V.D., Ol'khovskiy S.V. 2016. Nekotorye itogi podvodnykh issledovaniy v Fanagorii (1998–2015 gg.) // Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii / A.A. Zavoykin (red.). Vyp. 2. Moskva. S. 325–352].
- Кузьмин Ю.Н. 2017. Таран корабля // Пантикеи и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. Каталог выставки / В.Д. Кузнецов, В.П. Толстиков (ред.). М. С. 399 [Kuz'min Yu.N. 2017. Taran korablya // Pantikapei i Fanagoriya. Dve stolitsy Bosporskogo tsarstva. Katalog vystavki / V.D. Kuznetsov, V.P. Tolstikov (red.). Moskva. S. 399].
- Кузьмин Ю.Н. 2023. Фанагорийский посол в Риме // Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения: Материалы научной конференции «Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева» / А.В. Махлаюк (ред.). Н. Нов-

- город. С. 151–161 [Kuz'min Yu.N. 2023. Fanagoriyskiy posol v Rime // Professor Evgeniy Aleksandrovich Molev i sovremennye problemy antikovedeniya: Materialy nauchnoy konferentsii «Istoriko-arkheologicheskiy simpozium pamjati professora Evgeniya Aleksandrovicha Moleva» / A.V. Makhlayuk (red.). N. Novgorod. S. 151–161].
- Ломоури Н.Ю. 1979. К истории Понтийского царства. Тбилиси [Lomouri N.Yu. 1979. K istorii Pontiyskogo tsarstva. Tbilisi].
- Лордкипанидзе Г.А. 1970. К истории древней Колхиды. Тбилиси [Lordkipanidze G.A. 1970. K istorii drevney Kolkhidy. Tbilisi].
- Масленников А.А. 2008. Война и военный фактор в археологии и истории Боспора // БЧ. Керчь. Вып. IX. С. 180–187 [Maslennikov A.A. 2008. Voyna i voennyy faktor v arkheologii i istorii Bospora // Bosporskie chteniya. Kerch'. Vyp. IX. S. 180–187].
- Молев Е.А. 1994. Политическая история Боспора в период эллинизма (III – пер. пол. I в. до н.э.). Дис. ... д.и.н. Н. Новгород [Molev E.A. 1994. Politicheskaya istoriya Bospora v period ellinizma (III – per. pol. I v. do n.e.). Dis. ... d.i.n. N. Novgorod].
- Молев Е.А. 1996. О времени установки статуи Митридата Евпатора в Нимфе // Античный мир: Материалы научной конференции. Белгород. С. 85–91 [Molev E.A. 1996. O vremeni ustanovki statui Mitridata Evpatoria v Nimfee // Antichnyy mir: Materialy nauchnoy konferentsii. Belgorod. S. 85–91].
- Моммзен Т. 1997. История Рима. В 4-х томах. Ростов н/Д. Т. 3 [Mommzen T. 1997. Istorija Rima. V 4-kh tomakh. Rostov n/D. T. 3].
- Надель Б. 1948. Боспорская надпись IOSPE, II, 33 // ВДИ. Вып. 3. С. 212–216 [Nadel' B. 1948. Bosporskaya nadpis' IOSPE, II, 33 // Vestnik drevney istorii. Vyp. 3. S. 212–216].
- Павличенко Н.А. 2007. Новая надпись эпохи Фарнака, сына Митридата VI Евпатора из Гермонассы // БФ. СПб. Ч. 2. С. 304–306 [Pavlichenko N.A. 2007. Novaya nadpis' epokhi Farnaka, syna Mitridata VI Evpatoria iz Germonnassy // Bosporskij fenomen. Sankt-Peterburg. Ch. 2. S. 304–306].
- Панов А.Р. 2005. Восстание Кастора в Фанагории: интерпретация источников // БФ. С. 41–45 [Panov A.R. 2005. Vosstanie Kastora v Fanagorii: interpretatsiya istochnikov // Bosporskij fenomen. S. 41–45].
- Панов А.Р. 2008. Боспорское царство во внешнеполитических планах Рима в 47–46 гг. до н.э. // Международный круглый стол: «Боспорское царство: актуальные проблемы истории, археологии, культуры». С. 195–204 [Panov A.R. 2008. Bosporskoe tsarstvo vo vneshnepoliticheskikh planakh Rima v 47–46 gg. do n.e. // Mezhdunarodnyy kruglyy stol: «Bosporskoe tsarstvo: aktual'nye problemy istorii, arkheologii, kul'tury». S. 195–204].
- Панов А.Р. 2009. Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в период Поздней республики – Ранней империи (II в. до н.э. – начало II в. н.э.). Дис. ... д.и.н. Н. Новгород [Panov A.R. 2009. Vzaimootnosheniya Rima s gosudarstvami Severnogo Prichernomorya i Zakavkazya v period Pozdney respubliki – Ranney imperii (II v. do n.e. – nachalo II v. n.e.). Dis. ... d.i.n. N. Novgorod].
- Подшивалов А.М. Некоторые данные для исторического исследования о правителях Боспора Киммерийского по лапидарным и нумизматическим памятникам // Труды VI АС. Вып. II. Одесса, 1888. С. 72–79 [Podshivalov A.M. Nekotorye dannye dlya istoricheskogo issledovaniya o pravitelyakh Bospora Kimmeriyskogo po lapidarnym i numizmaticheskim pamyatnikam // Trudy VI arkheologicheskogo s"ezda. Vyp. II. Odessa, 1888. S. 72–79].

- Поздняков А.В.* 1980. Начало регулярной чеканки золотой монеты в Риме при Цезарях и причины ее появления // Вестник МГУ. Серия «История». № 1. С. 70–81 [Pozdnyakov A.V. 1980. Nachalo regulyarnoy chekanki zolotoy monety v Rime pri Tsezaryakh i prichiny eye poyavleniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya». № 1. S. 70–81].
- Растегаева М.Н.* 2025. *Amicitia Caesaris et populi Romani* в Боспорском царстве: вопросы историографии // *Via in tempore. История. Политология.* Вып. 52 (1). С. 22–32 [Rastegaeva M.N. 2025. Amicitia Caesaris et populi Romani v Bosporskem tsarstve: voprosy istoriografii // Via in tempore. Iстория. Политология. Вып. 52 (1). S. 22–32].
- Ростовцев М.И.* 1907. Митридат Понтийский и Ольвия // ИАК. № 23. С. 21–27 [Rostovtsev M.I. 1907. Mitridat Pontiyskiy i Ol'viya // Izvestiya arkheologicheskoy komissii. № 23. S. 21–27].
- Сапрыкин С.Ю.* 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М. [Saprykin S.Yu. 2002. Bosporskoe tsarstvo na rubezhe dvukh epokh. Moskva].
- Сибирский А.* 1877. Безыменные тетрахалки со скифской лучней. Серебряные и медные монеты царя Фарнака. Монеты римской гегемонии в Боспоре Киммерийском // ЗООИД. Т. 10. Одесса. С. 36–55 [Sibirskiy A. 1877. Bezimennye tetrakhalki so skifskoy luchney. Serebryanye i mednye monety tsarya Farnaka. Monety rimskoy gegemonii v Bospore Kimmeriyskom // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey. Т. 10. Odessa. S. 36–55].
- Слонимский М.М.* 1949. Начало римской оккупации Северного Причерноморья // Пятигорский государственный педагогический институт. Сборник трудов. Вып. 4. С. 199–211 [Slonimskiy M.M. 1949. Nachalo rimskoy okkupatsii Severnogo Prichernomor'ya // Pyatigorskii gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. Sbornik trudov. Vyp. 4. S. 199–211].
- Смыков Е.В.* 1997. Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология. Дисс... к.и.н. Саратов [Smykov E.V. 1997. Rim i Mitridat Evpator: voyna, politika, ideologiya. Diss... k.i.n. Saratov].
- Фролова Н.А.* 1992. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М. С. 187–247 [Frolova N.A. 1992. Monetnoe delo Bospora VI v. do n.e. – IV v. n.e. v svete novykh issledovaniy // Ocherki arkheologii i istorii Bospora. Moskva. S. 187–247].
- Функ Б.* 1992. Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб. С. 74–93 [Funk B. 1992. Prorimskaya orientatsiya v titulature bosporskikh tsarey // Etyudy po antichnoy istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya. Sankt-Peterburg. S. 74–93].
- Хайнен Х., Чошкун А.* 2005. Amici populi Romani. Презентация трирского проекта «Внешние друзья Рима» // Antiquitas aeterna. Вып. I. Казань. С. 280–303 [Khaynen Kh., Choshkun A. 2005. Amici populi Romani. Prezentatsiya trirskogo proekta «Vneshnie druz'ya Rima» // Antiquitas aeterna. Vyp. I. Kazan'. S. 280–303].
- Цветаева Г.А.* 1965. Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических данных // Новое в советской археологии. М., С. 234–236 [Tsveretaeva G.A. 1965. Pokhod Farnaka na Fanagoriyu v svete poslednikh arkheologicheskikh danniy // Novoe v sovetskoy arkheologii. Moskva. S. 234–236].
- Цветаева Г.А.* 1979. Боспор и Рим. М. [Tsveretaeva G.A. 1979. Bospor i Rim. Moskva].
- Чореф М.М.* 2012. «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. Т. 22. № 7 (126). С. 44–59 [Choref M.M. 2012. «Calamitas virtutis occasio», ili k istorii poslednikh let tsarstvovaniya Farnaka II // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika. T. 22. № 7 (126). S. 44–59].

- vovaniya Farnaka II // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika. Т. 22. № 7 (126). S. 44–59].
- Шелов Д.Б.* 1962. Тира и Митридат Евпатор // ВДИ. Вып. 12. С. 95–102 [*Shelov D.B.* 1962. Tira i Mitridat Evpator // Vestnik drevney istorii. Vyp. 12. S. 95–102].
- Шелов Д.Б.* 1978. Махар, правитель Боспора // ВДИ. Вып. 1. С. 55–72 [*Shelov D.B.* 1978. Makhar, pravitel' Bospora // Vestnik drevney istorii. Vyp. 1. S. 55–72].
- Юргевич В.* 1881. Псевдизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора // ЗООИД. Вып. XII. С. 1–48 [*Yurgevich V.* 1881. Psefizm drevnego goroda Khersonesa o naznachenii pochestey i nagrad Diofantu, polkovodtsu Mitridata Evpatora // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey. Vyp. XII. S. 1–48].
- Badian E.* 1983. Hegemony and independence. Prolegomena to a Study of the Relations of Rome and the Hellenistic States in the Second Century B.C. // Actes du VIe Congrès de la F.I.E.C. Vol. 1. P. 397–414.
- Brandis C.* 1899. Bosphorus // RE. Bd. III. Sp. 741–789.
- Bruchmann C.* 1893. Epitheta deorum quae apud poetas graecos leguntur. Leipzig, P. 126–128.
- Burton P.* 2003. Clientela or Amicitia? Modelling Roman International Behaviour in the Middle Republic (264–146 BC) // Klio. Beiträge zur alten Geschichte. Vol. 85. S. 333–369.
- Burton P.* 2011. Friendship and Empire. Roman Diplomacy and Imperialism in the Middle Republic (353–146 BC). Cambr.
- Christ K.* 1993. Krise und Untergang der Romischen Republik. Darmstadt.
- Coşkun A.* 2008. Freundschaft, persönliche Nahverhältnisse und das Imperium Romanum. Eine Einführung // Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2. Jahrhundert v. Chr. – 1. Jahrhundert n. Chr.) / A. Coşkun (Hrsg.). Frankfurt am Main; Oxford. S. 11–27.
- Coşkun A.* 2014. Kastor von Phanagoreia, Präfekt des Mithradates und Freund der Römer // Phanagoreia und darüber hinaus ... Festschrift für Vladimir Kuznetsov / N. Povalahev (hg.). Göttingen, S. 131–138.
- Coşkun A., Heinen H.* 2004. Amici populi Romani. Das Trierer Projekt "Roms auswärtige Freunde" stellt sich vor // Ancient Society. Vol. 34. P. 45–75.
- Deutsch M.E.* 1924. Pompey's Three Triumphs // ClPh. Vol. 19. № 3.
- Eckstein A.* 2008. Rome Enters the Greek East: From Anarchy to Hierarchy in the Hellenistic Mediterranean, 230–170 BC. Malden; Oxf.
- Fuller J.F.C.* 1965. Julius Caesar: Man, soldier, and Tyrant. L.
- Golenko K.V., Karyszkowski P.J.* 1972. The gold coinage of king Pharnaces of the Bosphorus // Numismatic chronicle. L. P. 25–38.
- Hekster O.* 2010. Trophy Kings and Roman Power: A Roman Perspective on Client Kingdoms // Client kingdoms in the Roman Near East / T. Kaizer, M. Facella (eds.). Stuttgart. P. 45–55.
- Hoben W.* 1969. Untersuchungen zur Stellung kleinasiatischer Dynasten in den Machtkämpfen der ausgehenden römischen Republik. Diss. Mainz.
- Kuzmin Yu.N.* 2024. Hedykos, Son of Euodos: a Phanagorian Ambassador who Died in Rome // Dialogues d'histoire ancienne. № 50/2. P. 67–78.
- Magie D.* 1950. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. Princeton.
- Matthaei L.* 1907. On the Classification of Roman Allies // ClQ. Vol. 1. P. 182–204.
- Meyer E.* 1879. Geschichte des Königreichs Pontos. Leipzig.

- Minns E.* 1913. Scythians and Greeks: a survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambr.
- Pina Polo F.* 2015. Foreign clientelae revisited: a methodological critique // Foreign Clientelae in the Roman Empire. A Reconsideration / M. Jehne, F. Pina Polo (eds.). Stuttgart. P. 19–42.
- Portanova J.* 1988. The Associates of Mithridates VI of Pontus. PhD. N.Y.
- Reinach Th.* 1890. Mithridate Eupator, roi de Pont. P.
- Sands P.* 1908. The Client Princes of the Roman Empire under the Republic. Cambr.; N.Y.
- Seager R.* 2002. Pompey the Great. A Political Biography. Oxf.
- Sherwin-White A.* 1984. Roman Foreign Policy in the East, 168 BC to AD 1. L.
- Snowdon M.* 2010. Greek Freedom and Roman Hegemony: The Transaction of Roman Rule in the Greek East (201 BCE – 14 CE). PhD Thesis. Hamilton.
- Sullivan R.D.* 1990. Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 B.C. Toronto.
- Verboven K.* 2011. Friendship Among the Romans // The Oxford Handbook of Social Relations in the Roman World // M. Peachin (ed.). Oxf. P. 404–421.
- Williams C.* 2008. Friends of the Roman People. Some Remarks on the Language of amicitia // Freundschaft und Gefolgschaft in den auswärtigen Beziehungen der Römer (2.Jahrhundert v.Chr. – 1. Jahrhundert n.Chr.) / A. Coskun (Hrsg.). Frankfurt am Main; Oxford. S. 29–44.
- Zograph A.N.* 1977. Ancient Coinage. Oxf.

Поступила в редакцию / Received 02.11.2025.

Принята к публикации / Accepted 17.11.2025.

Опубликована / Published 18.12.2025.